Грот.
Сотрудничество
Екатерины II в
Собеседнике
кн. Дашковой.

Ш 263/13

13

СОТРУДНИЧЕСТВО ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ СОБЕСѢДНИКѢ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ.

Около ста лѣтъ тому назадъ возникъ русскій журналъ, который въ своемъ родѣ остался единственнымъ въ лѣтописяхъ литературы. Это былъ *Собесѣдникъ любителей россійскаго слова*, основанный княгинею Дашковой весною 1783 года и издававшійся болѣе года при постоянномъ и непосредственномъ участіи Екатерины II. Это участіе не ограничивалось тѣмъ, что Государыня удостоивала журналъ помѣщенія въ немъ своихъ произведеній; нѣтъ, она дѣлила труды редакціи, просматривала рукописи, которыя ей доставляла издательница, переписывалась съ нею о многихъ изъ нихъ; наконецъ, сама участвовала въ оригинальной полемикѣ, которая завязалась между редакціей и нѣкоторыми изъ сотрудниковъ журнала.

Поводомъ къ основанію *Собесѣдника* послужила знаменитая ода Державина къ *Фелицѣ*. Около того времени между русскими литераторами начали распространяться новыя требованія отъ поэзіи: торжественныя оды въ рукахъ бездарныхъ стихотворцевъ сдѣлались невыносимы, и всѣ чувствовали, что онѣ должны быть замѣнены чѣмъ-нибудь болѣе живымъ. Даровитому поэту, какимъ былъ Державинъ, естественно было пытаться дать этому роду поэзіи новое направленіе. Съ этою мыслью ему удалось создать *Фелицу*, гдѣ въ первый разъ высокія мысли и искреннее, горячее чувство явились въ легкой и изящной формѣ, съ примѣсью добродушной, веселой сатиры и ловкой шутки. Извѣстно, какъ Екатерина была тронута изображеніемъ своей личности въ этой одѣ и какъ оригинально она выразила поэту свою благодарность. Княгиня Дашкова, незадолго передъ тѣмъ назначенная ди-

ректоромъ Академіи Наукъ и уже мечтавшая о способахъ къ развитію русскаго языка и литературы, увидѣла въ этой одѣ задатки того и другаго и задумала, съ помощію нѣсколькихъ даровитыхъ сотрудниковъ, издавать журналъ. Императрица встрѣтила эту мысль съ полнымъ одобреніемъ и обѣщала свое дѣятельное участіе.

Въ апрѣлѣ, вскорѣ послѣ пасхи, въ газетахъ явилось объявленіе о новомъ журналѣ, а 20-го мая вышла первая книжка его, которая знаменательно открывалась *Фелицей* Державина. Въ краткомъ предувѣдомленіи была объяснена двоякая цѣль *Собесѣдника* служить къ распространенію просвѣщенія и къ пользѣ русскаго слова, при чемъ заявлено, что приниматься будутъ только оригинальныя сочиненія, которыя и должны быть доставляемы къ княгинѣ Дашковой. Къ двумъ означеннымъ здѣсь цѣлямъ впослѣдствіи прибавлена, какъ не разъ выражаемо было въ разныхъ статьяхъ, еще третья — исправленіе нравовъ; къ этой цѣли были между прочимъ направлены шуточныя бесѣды самой Императрицы, которыя печатались подъ остроумно избраннымъ заглавіемъ: *Были и Небылицы*.

Въ то время не было другаго русскаго журнала; издававшійся собраніемъ литераторовъ *С.-Петербургскій Вѣстникъ* прекратился года за два передъ тѣмъ. По малому развитію литературы и охоты къ чтенію въ ту эпоху, тогдашніе журналы наши были недолговѣчны: *С.-Петербургскій Вѣстникъ* просуществовалъ $2^1/_2$ года, что́ уже было сравнительно долгимъ срокомъ. *Собесѣднику* суждено было прожить еще менѣе: по неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, о которыхъ будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ, онъ выходилъ только годъ и 4 мѣсяца, почти постоянно являясь одною книжкою въ мѣсяцъ. Только въ октябрѣ 1783 г. ихъ вышло двѣ.

Печатался *Собесѣдникъ* при Академіи Наукъ и на ея счетъ. Всѣми дѣлами изданія завѣдывала княгиня Дашкова, а главнымъ помощникомъ ея былъ академическій совѣтникъ Козодавлевъ, который впослѣдствіи, по учрежденіи министерствъ при Императорѣ Александрѣ I, занималъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ ранней молодости онъ былъ отправленъ съ другими молодыми людьми для своего образованія за границу, учился въ Лейпцигскомъ университетѣ, былъ самъ литераторомъ, писалъ, переводилъ съ нѣмецкаго и сочинялъ очень легкіе для того времени стихи. Въ его рукахъ была вся внѣшняя часть изданія. Къ сотрудничеству въ *Собесѣдникѣ* были приглашены всѣ лучшіе писатели того времени, и по исключительному положенію редакціи естественно, что это приглашеніе было охотно принято; впрочемъ прежде почти всѣ эти литераторы участвовали и въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ*. Въ то время статьи и стихи въ журналахъ являлись бо́льшею частью безъ имени, не столько по скромности, сколько потому что многіе

боялись авторствомъ повредить себѣ въ глазахъ своихъ начальниковъ. Особеннымъ врагомъ и гонителемъ литературы и искуства былъ генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, который всякаго негоднаго чиновника называлъ не иначе какъ стихотворцемъ или живописцемъ. Извѣстно, какъ много отъ этого воззрѣнія пострадалъ служившій при Вяземскомъ Державинъ. О томъ, какъ такой взглядъ въ высшихъ административныхъ сферахъ былъ распространенъ въ ту эпоху, свидѣтельствуетъ составленная Фонъ-Визинымъ въ шуточномъ тонѣ и напечатанная въ *Собесѣдникѣ Челобитная Россійской Минервѣ отъ россійскихъ писателей* (IV кн.). Здѣсь онъ прямо проситъ защиты Императрицы отъ «знаменитыхъ невѣждъ», которые воображаютъ, говоритъ онъ, что «къ отправленію дѣлъ ни въ какихъ знаніяхъ нужды нѣтъ» и «употребляютъ во зло знаменитость своего положенія къ тяжкому предосужденію словесныхъ наукъ и къ нестерпимому притѣсненію насъ именованныхъ: они постановили между собой условіе: всякое знаніе, а особливо словесныя науки, почитать не иначе какъ уголовнымъ дѣломъ.» Въ виду той же опасности для пишущей братіи княгиня Дашкова, въ одной запискѣ, упрашивая Государыню по прежнему помѣщать свои *Были и Небылицы* въ *Собесѣдникѣ*, говоритъ ей: Vous voyez, Madame, que l'opinion que j'ai des *Были и Небылицы* ne m'est point particulière et que notre journal tomberait sans eux. Je dirai même plus. L'on nous désertera davantage, et ceux qui empêchent les écrivains de nous aider se croiront plus autorisés que jamais à persécuter tous ceux qui oseront assumer de l'esprit et du goût pour la littérature.... Je crains d'être l'instrument innocent des désagréments que des honnêtes gens reçoivent de leurs supérieurs. Si l'auteur des *Были и Небылицы* voulait avoir la bonté d'exprimer quelques sentiments qui encourageassent les auteurs, il obligerait l'humble éditeur, et le public en même temps.»[1]) Послѣ этого понятно, что для появленія въ журналѣ съ своимъ именемъ требовалось нѣкоторое гражданское мужество. Оттого, не смотря на покровительство какое Екатерина II оказывала литературѣ, въ *Собесѣдникѣ* встрѣчаются только очень немногія полныя подписи; съ ними являлись: М. Муравьевъ, Богдановичъ, Павелъ Кутузовъ, Дм. Хвостовъ, большею частью все посредственные или плохіе поэты, тогда какъ большинство

1) «Ваше Величество изволите видѣть, что не я одна такъ думаю о *Былях и Небылицах* и что безъ нихъ нашъ журналъ упалъ бы. Скажу болѣе. Насъ совсѣмъ оставятъ, и тѣ, которые мѣшаютъ писателямъ помогать намъ, сочтутъ себя болѣе чѣмъ когда-либо въ правѣ преслѣдовать всѣхъ осмѣливающихся выказывать умъ и любовь къ литературѣ... Боюсь быть невиннымъ орудіемъ непріятностей, испытываемыхъ честными людьми отъ своихъ начальниковъ. Если бы автору *Былей и Небылицъ* угодно было сказать нѣсколько словъ въ ободреніе пишущихъ, то онъ обязалъ бы и скромную издательницу, и публику».

сотрудниковъ, и между ними самые талантливые, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Капнистъ, Княжнинъ, гр. Ник. Румянцовъ, даже Козодавлевъ, печатали свои труды безъ всякой подписи. Нѣкоторые ставили только начальныя буквы, напр. Ер. Кост. (Ермилъ Костровъ), М. Х. (Михаилъ Храповицкій), М. С. (Марія Сушкова) и др. Были и псевдонимы: важнѣйшія критическія замѣтки были подписаны вымышленными именами *Любословъ* и *Невпюжда*. Другіе отзывы этого рода присылались отъ неизвѣстныхъ, иногда изъ провинціи, или составлялись, подъ видомъ присланныхъ издалека, въ самой редакціи. Изъ всѣхъ сотрудниковъ, если исключить Императрицу и княгиню Дашкову, наибольшею извѣстностью пользовался Державинъ; онъ пріобрѣлъ ее еще тѣми стихотвореніями, которыя появились въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ*, но громкая слава его началась, вмѣстѣ съ *Собесѣдникомъ*, *Фелицею*. Поэтому неудивительно, что всякую новую книжку журнала старались начинать или одною изъ его одъ, или стихами, въ которыхъ другіе выхваляли его *Фелицу* и талантъ новаго поэта, который, какъ тогда уже признавали, долженъ былъ затмить самого Ломоносова.

Нельзя кажется сомнѣваться, что шуточно-сатирическій тонъ *Фелицы* отозвался на господствующемъ направленіи *Собесѣдника*. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи заняли *Были и Небылицы* Императрицы, которыя стали появляться со второй книжки и безъ которыхъ потомъ, въ продолженіе цѣлаго полугодія, не выходилъ этотъ журналъ. Имъ онъ конечно и обязанъ болѣе всего своимъ успѣхомъ.

Подъ покровомъ шутки и смѣха въ этомъ достопамятномъ произведеніи царственнаго пера скрывалась серіозная цѣль. Видя вездѣ вокругъ себя образчики человѣческихъ слабостей и недостатковъ, Екатерина хотѣла дѣйствовать на нихъ между прочимъ орудіемъ слова, но понимала что при тогдашнемъ состояніи нашего общества нравоученіе можетъ проникать въ сознаніе его только въ пріятной и забавной формѣ. Поэтому она рѣшилась писать безсвязныя шуточныя замѣтки о нравахъ и смѣшныхъ сторонахъ современной жизни, почерпая ихъ повидимому изъ самыхъ низкихъ слоевъ общества, но въ сущности имѣя въ виду извѣстныя ей лица и отношенія, и пользуясь къ тому богатымъ запасомъ своихъ собственныхъ опытовъ и воспоминаній. Принимаясь писать, въ *Былях и Небылицах*, Екатерина часто предупреждаетъ что она сама не знаетъ, о чемъ будетъ говорить, что она станетъ писать все, что́ попадется на кончикъ пера, но въ сущности, въ большей части того, что́ она выражаетъ, кроется намѣреніе и планъ. Въ одномъ мѣстѣ она объясняетъ, что *Были и Небылицы* почерпнуты изъ моря естества, и тѣмъ даетъ знать, что источникомъ служитъ ей жизнь во всемъ своемъ разнообразіи, но въ другой разъ замѣчаетъ, что она касается

только тѣхъ сторонъ жизни, которыя могутъ доставить пищу веселости, поэтому отказывается напр. взять на себя описаніе ябедника или лихоимца: «все, говоритъ она, влекущее за собой гнусность и отвращеніе, въ *Былях и Небылицах* мѣста имѣть не можетъ; изъ нихъ строго исключается все то, что не въ улыбательномъ духѣ»[1]) (V, 152). Въ самомъ дѣлѣ замѣчателенъ непринужденно-веселый тонъ, проникающій отъ начала до конца *Были и Небылицы;* видно, что въ это время и самая жизнь Государыни была спокойна и ясна; это было передъ мирнымъ присоединеніемъ Крыма, когда къ ближайшему обществу ея принадлежалъ высоко цѣнимый ею А. Д. Лапской. Знакомство, какое авторъ обнаруживаетъ съ самой скромной житейскою сферой, объясняется тою простой домашней обстановкой, въ которой Екатерина провела свое дѣтство и часть молодости. Во всѣхъ своихъ изображеніяхъ она является въ полномъ смыслѣ человѣкомъ, и ничто людское ей не чуждо. Поэтому можно представить себѣ, съ какимъ любопытствомъ читались *Были и Небылицы*, происхожденіе которыхъ ни для кого не было тайной. Государынѣ было хорошо извѣстно, что это сочиненіе болѣе всего другого доставляло *Собесѣднику* читателей и что при выходѣ каждой новой книжки всѣ напередъ бросались на *Были и Небылицы*. Въ самомъ журналѣ нерѣдко являлись похвалы этому сочиненію; замѣчали, напр., что въ нихъ разсѣяно множество тонкихъ, острыхъ, иногда и глубокихъ мыслей, но онѣ ни мало не украшены слогомъ громкимъ, важнымъ и высокимъ (VI кн. 175). Вообще современники смотрѣли на нихъ какъ на произведеніе совершенно въ новомъ родѣ, какъ на новое въ литературѣ явленіе, которое служило къ украшенію и поддержкѣ журнала. Поэтому неудивительно, что сочиненіе *Былей и Небылицъ* сильно занимало Императрицу и что она заранѣе подготовляла къ нимъ въ умѣ своемъ матеріалы, о чемъ сама въ шутку такъ выразилась: «На запасномъ дворѣ *Былей и Небылицъ* много различныхъ качествъ и количествъ, дѣйствительно дѣйствующихъ и еще въ дѣло неупотребленныхъ лицъ и вещей» (V, 154). Для образчика тона и слога этой царственной шалости приведу самое начало *Былей и Небылицъ* подъ заглавіемъ:

Предисловіе: «Великое благополучіе! Открывается поле для меня и моихъ товарищей зараженныхъ болячкою бумагу марать перомъ, обмакнутымъ въ чернила. Печатается *Собесѣдникъ* — лишь пиши, да пошли, напечатано бу-

---

1) Вотъ это мѣсто изъ подлинной рукописи: «Что же касается до совѣта, который мнѣ данъ чтобъ я описаніе ябедника на себя взялъ, на то скажу, благодаря за похвалы, по коимъ не узнаю себя, что въ *Были и Небылицы* гнусность и отвращеніе за собой влекущее мѣсто имѣть не можетъ и что изъ *Былей и Небылицъ* строго исключается все то, что не въ улыбательномъ духѣ.» Въ *Собесѣдникѣ* эти строки нѣсколько измѣнены редакціею.

детъ. Отъ сердца я тому радъ. Увѣряю, что хотя ни единаго языка я правильно не знаю, грамматикѣ и никакой наукѣ не учился, но не пропущу сего удобнаго случая издать *Были и Небылицы*; хочу имѣть удовольствіе видѣть ихъ напечатанными.»

Что́ придавало *Былямъ и Небылицамъ* особенный интересъ и такъ-сказать пряность, были разсѣянные въ нихъ портреты извѣстныхъ государственныхъ лицъ, изображенія, которыя Государыня почерпала то изъ своихъ наблюденій надъ живыми, то изъ воспоминаній о мертвыхъ. Разительный примѣръ тому мы находимъ на первыхъ страницахъ *Былей и Небылицъ;* тутъ описывается *самолюбивый,* которому казалось прекраснымъ и великолѣпнымъ все, что принадлежало ему, какъ бы жалко оно ни было: деревянный полуразвалившійся домъ, глуповатая жена, шалуны дѣти, которымъ онъ приписывалъ всевозможныя дарованія, рыжая лошадь съ бѣльмомъ на глазу, «однимъ словомъ, сказано въ заключеніе, все что ему принадлежало, — мамы, няни, бани, вѣники, собаки, огородъ, пиво, полпиво, поваръ, все ему казалось отмѣнными качествами снабдено, для того только, что онъ любилъ себя и никого иного.»

Не разумѣла ли тутъ Императрица какое-нибудь дѣйствительное лицо? Вопросъ этотъ разрѣшается совершенно положительно, когда мы въ мемуарахъ ея читаемъ слѣдующую характеристику Чоглокова, мужа оберъ-гофмейстерины, находившейся при дворѣ Великой Княгини (мужъ и жена представляются ею въ весьма неблагопріятныхъ краскахъ). Сказавъ, что Чоглоковъ сдѣлался страстнымъ охотникомъ съ тѣхъ поръ какъ кто-то подарилъ ему левретку, Императрица продолжаетъ: «Вообще, Ч. очень склоненъ былъ думать, что все что́ принадлежало ему отличалось необыкновенными достоинствами: его жена, его дѣти, слуги, домъ, столъ, лошади, собаки, словомъ все, что́ принадлежало ему, хотя и весьма посредственное, становилось для него вопросомъ самолюбія и возбуждало его восхищеніе.»

Вслѣдъ за прочитаннымъ мѣстомъ въ началѣ *Былей и Небылицъ* помѣщенъ портретъ *нерѣшительнаго,* въ которомъ, какъ послѣ сознавалась сама Государыня, содержится изображеніе Ивана Ив. Шувалова, въ то время занимавшаго при дворѣ должность оберъ-камергера.

«Есть у меня сосѣдъ, говорится тутъ, который въ младенчествѣ слылъ умницею, въ юношествѣ оказывалъ желаніе умничать, въ совершеннолѣтіи каковъ? — Увидите изъ слѣдующаго: онъ ходитъ бодро, но когда два шага сдѣлаетъ направо, то одумавшись пойдетъ налѣво; тутъ встрѣчаемъ онъ мыслями, кои принуждаютъ его итти впередъ, потомъ возвращается вспять. Сосѣдъ мой отроду не говаривалъ пяти словъ и не дѣлалъ ни единаго шагу безъ раскаянія потомъ объ ономъ» и т. д.

Такъ же точно позднѣе въ *Былях* и *Небылицах* осмѣивается вернувшійся недавно изъ за границы гр. Румянцовъ въ лицѣ человѣка, который «писавъ по руски, думалъ на иностранномъ языкѣ, ибо читая по руски мысли и обороты иностраннаго языка, намъ Русакамъ кажется сунбуръ несносной» (IV, 172).

Къ сожалѣнію, въ *Былях* и *Небылицах* есть много портретовъ, которыхъ значеніе для насъ, потомковъ, вѣроятно навсегда утрачено. Современники были въ болѣе благопріятномъ положеніи и угадывали или по крайней мѣрѣ старались угадывать, на кого мѣтитъ то или другое описаніе. Зная, сколько по этому поводу было толковъ при выходѣ каждой новой книжки *Собесѣдника*, Императрица придумала для своихъ *Былей и Небылицъ* особое лицо подъ именемъ *Угадаева*, съ которымъ вступила въ вымышленную переписку, увѣряя его что «*Были и Небылицы* наполнены тѣмъ, что въ людяхъ водится, но люди тутъ безъ имени, а описывается вообще умоположеніе человѣческое; до Карпа и Сидора тутъ дѣла нѣтъ.» (IV, 140).

Главныя лица, выведенныя въ *Былях* и *Небылицах* для прикрытія собственныхъ размышленій автора и выраженія ихъ въ шуточномъ тонѣ,— это: во 1-хъ дѣдушка, человѣкъ глубокомысленный и словоохотливый съ многозначительнымъ кашлемъ: хемъ, хемъ; онъ же повѣренный какихъ-то двухъ не въ ладу живущихъ супруговъ; потомъ двоюродный братъ автора, «человѣкъ веселый и проказливый». Далѣе дѣдушкина кума, дочь архангельскаго купца, высокая и толстая, воспитанная въ пансіонѣ на иностранный образецъ и выданная замужъ за отставнаго дворянина. Она старалась быть проворною, но по дородству своему часто падала, тѣмъ болѣе что по модѣ носила тѣсные башмаки на высокихъ тоненькихъ каблучкахъ. Описаніе ея дурного нрава даетъ случай къ насмѣшкѣ надъ масонствомъ и надъ таинственными масонскими словами, повидимому не заключающими въ себѣ никакого смысла. Дѣдушка говоритъ, что онъ ничего такъ не любитъ, какъ смѣшить другихъ, и самъ охотно смѣется. У него 15 внуковъ, передъ которыми онъ любитъ хвалить доброе старое время съ его шутовскими свадьбами, шутами и ледянымъ домомъ. Онъ самъ однакожъ сознается что настоящее лучше. Здѣсь любопытны черты прогресса, на которыя намекаетъ Государыня. Между прочимъ дѣдушка говоритъ: «мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тяжестію тайны, вдругъ яко плотина отъ сильной водополи прорвались, а накопленная вода стекаетъ до тѣхъ поръ, пока не осушивъ дна, онаго не откроетъ». Потомъ дѣдушка выставляетъ преимущество современнаго воспитанія и наконецъ прибавляетъ: «Ничему я такъ не радовался послѣдніе сіи годы, какъ тому что къ совѣстному разбирательству повсюду оказалось много охотниковъ. Маятникъ сей подаетъ о общемъ рас-

положеніи добрую надежду, подобно какъ пульсъ врачу о состояніи больного.» Здѣсь рѣчь идетъ о совѣстныхъ судахъ, явившихся за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ съ учрежденіемъ о губерніяхъ: Императрица особенно гордилась этою новою формой суда, какъ видно и изъ частной ея переписки.

Въ продолженіи *Былей и Небылицъ* вводятся еще два новыя лица, два пріятеля, изъ которыхъ одинъ, ИИИ, болѣе плачетъ нежели смѣется, а другой, ААА, болѣе смѣется нежели плачетъ. ИИИ, суровый представитель крИтИкИ, совѣтовалъ печатать только серіозное, но ААА, съ своимъ веселымъ свойственникомъ, ХХХ, твердилъ только: пиши да пиши; его-то слушается авторъ *Былей и Небылицъ* и такъ въ этомъ сознается: «я не могу видѣть чистаго пера, чтобъ не пришла мнѣ охота обмакнуть онаго въ чернила; буде же еще къ тому лежитъ на столѣ бумага, то конечно рука моя очутится съ перомъ на той бумагѣ.» Это то́, что Императрица шутя называетъ *бумагомараньемъ*, а въ своихъ письмахъ къ Гримму — la passion du griffonnage или écritüromanie.

Въ формѣ *Былей и Небылицъ*, какъ и въ содержаніи ихъ, сочинительница не держится никакого порядка, безпрестанно переходя отъ одного предмета къ другому; это безсвязныя, но остроумныя рѣчи о всякой всячинѣ, обо всемъ, что взбредетъ на умъ мыслящему, наблюдательному человѣку, и кажется, образцомъ ея въ этомъ случаѣ болѣе всякаго другаго автора служилъ Стернъ. Для большей свободы въ переходѣ отъ одного предмета къ другому Государыня, сверхъ главнаго текста, вводитъ часто, въ видѣ отступленій, NB. и примѣчанія, и такимъ образомъ, какъ однажды было ею замѣчено, доставляетъ себѣ способъ говорить разомъ о трехъ предметахъ. Употребляя иногда тотъ же пріемъ въ своихъ письмахъ къ Гримму, она однажды говоритъ ему: «Sur les NB. et les remarques il faut que vous sachiez qu'il sort depuis quatre mois un journal russe à Pétersbourg, où les NB. et les remarques sont employés souvent à mourir de rire; en général, ce journal est un salmigondis de choses très amusantes» (16 d'août 1783 [1]).

Иногда въ *Были и Небылицы* Екатерина II вноситъ полученныя ею по связи съ ея авторствомъ письма или замѣтки. Самую замѣчательную изъ такихъ вставокъ или hors-d'oeuvre составляютъ знаменитые *Вопросы Фонъ-Визина*. Но прежде чѣмъ остановимся на ихъ содержаніи, надобно объяснить поводъ къ ихъ появленію. При своемъ просвѣщенномъ взглядѣ на задачи

1) «Что касается NB и примѣчаній, надо вамъ знать, что четыре мѣсяца тому назадъ въ Петербургѣ сталъ выходить журналъ въ которомъ встрѣчаются уморительныя NB и примѣчанія; вообще этотъ журналъ ералашъ изъ презабавныхъ вещей.

литературы Императрица и княгиня Дашкова не могли не понимать и пользы критики. Уже въ первой книжкѣ *Собесѣдника* издатели просили всѣхъ любителей русскаго слова и всю публику: ежели кто захочетъ написать критику на какое-либо сочиненіе помѣщенное въ этомъ журналѣ, не искать другихъ типографій къ напечатанію такихъ критикъ или сатиръ, но присылать ихъ прямо къ княгинѣ Дашковой. Примѣръ самихъ издателей долженъ былъ поощрять и другихъ къ сатирико-полемическому характеру въ своихъ сообщеніяхъ. Такъ уже въ 1-й книжкѣ княгиня Дашкова помѣстила свое посланіе къ слову *такъ*, гдѣ нѣкоторыя очень колкія выходки могли быть приняты за личности и вызвали возраженіе, которое показалось издателямъ такъ неприличнымъ, что они сочли нужнымъ напомнить критику, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Въ журналѣ стали являться и другія полемическія замѣтки противъ того, что́ въ немъ же было напечатано, иногда противъ самихъ издателей. Открылось совершенно чуждое нашему времени явленіе пререканій между редакціей и ея читателями. Со стороны первой было конечно чрезвычайно честно, что она, не всегда одобряя присланныя по ея вызову критическія сужденія, все-таки, вѣрная своему обѣщанію, печатала ихъ въ своемъ журналѣ. Къ числу статей, вызванныхъ общимъ полемическимъ характеромъ *Собесѣдника*, принадлежали и не совсѣмъ скромные вопросы Фонъ-Визина. Они появились въ 3-й книжкѣ *Собесѣдника* вмѣстѣ съ отвѣтами самой Императрицы, при чемъ объяснено, что издатели раздѣлили между собой понедѣльно трудъ разсматривать присылаемыя къ нимъ сочиненія, равно какъ и отвѣчать на нихъ, если понадобится.

Конечно и самъ Фонъ-Визинъ и княгиня Дашкова чувствовали смѣлость нѣкоторыхъ изъ вопросовъ. Есть преданіе, что Дашкова вмѣстѣ съ И. И. Шуваловымъ уговаривали Фонъ-Визина не присылать въ журналъ своихъ вопросовъ, но онъ не послушался. Сначала они такъ непріятно поразили Екатерину, что она приписала ихъ мщенію Шувалова за насмѣшки ея надъ его нерѣшительностью; потомъ однакожъ она стала смотрѣть на дѣло спокойнѣе. Сохранилось любопытное письмо ея къ Дашковой по этому предмету: «Внимательно перечитавъ, говоритъ она, извѣстную статью, я нахожу ее не такъ предосудительною, какъ мнѣ сперва казалось. Если бъ можно было напечатать ее вмѣстѣ съ отвѣтами, сатира потеряла бы свою рѣзкость, хотя все-таки могла бы дать поводъ къ такимъ-же или еще большимъ дерзостямъ. Она безъ сомнѣнія идетъ отъ оберъ-камергера въ отплату за портретъ *нерѣшительнаго* во второй части *Собесѣдника*. Замѣтьте, что 14-й пунктъ помѣщенъ два раза, можетъ быть съ тѣмъ чтобы можно было одинъ изъ нихъ исключить, не нарушая порядка нумеровъ. Не похожа ли эта ме-

лочная предосторожность именно на оберъ-камергера, который при всѣхъ своихъ движеніяхъ дѣлаетъ одинъ шагъ впередъ, а другой назадъ?»

По желанію Императрицы Вопросы Фонъ-Визина и ея отвѣты напечатаны рядомъ въ два столбца. Отвѣты написаны большею частью въ смыслѣ защиты правительства и общества противъ нападковъ нескромнаго вопрошателя; они составлены съ большимъ умомъ, ловкостью, тактомъ и сдержанностью, иногда даже слишкомъ уклончиво.

Два пункта, отмѣченные цыфрою 14, изложены слѣдующимъ образомъ:

81.

Вопросы:	Отвѣты:
«14. Имѣя Монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ удостоиваться Ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ?»	На 14. «Для того что вездѣ во всякой землѣ и во всякое время родъ человѣческій совершеннымъ не родится».
«14. Отъ чего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣче имѣютъ, и весьма большіе?»	На 14. «Предки наши не всѣ граматѣ умѣли. NB. Сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного десять преждебывшихъ».

Нельзя не согласиться, что оба эти вопроса были довольно оскорбительны не только въ отношеніи къ приближеннымъ Екатерины, но и къ самой Государынѣ, которой тутъ было прямо высказано, что она награждала недостойныхъ. Оттого и въ отвѣтѣ своемъ она не умѣла скрыть нѣкотораго раздраженія. Позволить себѣ такіе вопросы можно было только при большомъ довѣріи къ великодушію и либеральности Монархини. Послѣдній вопросъ явно мѣтилъ на оберъ-шталмейстера Льва Нарышкина, о которомъ сама она нѣкогда замѣтила, что онъ рожденъ арлекиномъ. Прочитавъ въ первый разъ вопросы Фонъ-Визина, Екатерина сказала: «Мы отмстимъ ему,» и дѣйствительно нѣкоторые изъ отвѣтовъ ея были такъ мѣтки, что Фонъ-Визинъ призналъ себя побѣжденнымъ.

Какъ сильно однакожъ было впечатлѣніе, произведенное на Императрицу его вопросами, видно изъ частаго ея возвращенія къ нимъ въ *Былях и Небылицах*, но шуточный тонъ, съ какимъ она послѣ отзывалась о нихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что легкая тѣнь неудовольствія, обнаружив-

шаяся въ нѣкоторыхъ изъ ея отвѣтовъ, не была дѣломъ серіознымъ. Въ первой же книжкѣ послѣ ихъ появленія дѣдушка въ *Былях и Небылицах* говоритъ: « Въ наши времена никто не любилъ вопросовъ: ибо съ оными и мысленно соединены были непріятныя обстоятельства; намъ подобные обороты кажутся неумѣстны, шуточные отвѣты на подобные вопросы не суть нашего вѣка; тогда каждый, поджавъ хвостъ, отъ оныхъ бѣгалъ.» Потомъ дѣдушка подробно разбираетъ 14-й вопросъ, и повторяетъ прикашливая: «Отчего, — отчего?» — Ясно, оттого, что въ прежнія времена врать не смѣли, а паче письменно, безъ опасенія». Затѣмъ, разобравъ всѣхъ шутовъ, извѣстныхъ у насъ въ прежнее время, дѣдушка переходитъ къ шпынямъ[1]), т. е. насмѣшникамъ. «Когда дѣдушка дошелъ до шпыней, говоритъ Императрица, тогда разворчался необычайно, и крупно говоря: шпынь безъ ума быть не можетъ, въ шпыньствѣ есть острота: за то что человѣкъ остро что́ скажетъ, вѣдь не лишить его выгодъ тѣхъ, кои въ обществѣ даются въ обществѣ живущимъ или обществу служащимъ.» Итакъ вотъ гдѣ мы находимъ настоящій отвѣтъ Государыни на самый щекотливый вопросъ Фонъ-Визина. Избравъ шутку орудіемъ для дѣйствія на правы, она ее же употребила для отраженія казавшагося ей несправедливымъ упрека.

Екатерина гордилась тѣмъ, что въ ея время сдѣлалось возможнымъ многое, что́ недавно еще было немыслимо. Поэтому ее не могло не огорчить, что одинъ изъ передовыхъ людей ея царствованія повидимому не признавалъ этой безмѣрной разницы между настоящимъ и прошлымъ. Надобно помнить что на глазахъ тогдашнихъ русскихъ людей совершилась въ духѣ правительства и общемъ настроеніи почти такая же перемѣна, какую мы видѣли у себя въ наши дни. Непризнаніе такого успѣха не могло не быть чувствительно той, которая считала себя его виновницей.

Пристыженный Фонъ-Визинъ поспѣшилъ прислать въ журналъ извиненіе въ видѣ письма къ автору *Былей и Небылицъ*. Онъ самъ хорошо понялъ главную причину неудовольствія Екатерины и зналъ съ чего начать свое оправданіе: «Можете быть увѣрены, говоритъ онъ, что я ни вамъ и никому изъ моихъ согражданъ не уступлю въ душевномъ чувствованіи неисчетныхъ благъ, которыя въ теченіе слишкомъ 20-и лѣтъ изливаются на благородное общество. Надобно быть извергомъ чтобы не признавать, какое ободреніе душамъ подается.» За тѣмъ Фонъ-Визинъ превозноситъ данное незадолго

---

1) Слово *шпынь*, нынѣче уже забытое, есть конечно искаженіе стариннаго, явно отъ Нѣмцевъ перешедшаго *шпильманъ*, которое, въ смыслѣ игрецъ, плясунъ, встрѣчается въ разныхъ древнихъ памятникахъ, между прочимъ въ Кормчей книгѣ 1284 г. («о шпильманѣхъ и глумціхъ»). Востоковъ, въ своемъ словарѣ, замѣчаетъ: «Нѣмецкое слово *шпильманъ* дошло къ Славянамъ, можетъ быть, еще въ X или въ XI в. съ приходившими отъ Нѣмцевъ скоморохами.» Встрѣчается оно и въ формѣ *шпиль*. (См. словарь Миклошича).

передъ тѣмъ разрѣшеніе заводить частныя типографіи и выражаетъ надежду что оно «послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія.» Не забылъ Фонъ-Визинъ коснуться и 14-го вопроса: «Статьею о шпыняхъ и балагурахъ, говоритъ онъ, хотѣлъ я показать только несообразность балагурства съ большимъ чиномъ»... Далѣе онъ сознается что не умѣлъ исполнить своего добраго намѣренія и сообщить своимъ вопросамъ «приличнаго оборота», почему онъ и рѣшился не выпускать новыхъ, заготовленныхъ имъ вопросовъ, — чтобъ не давать другимъ повода къ дерзкому *свободоязычію,* которое онъ всей душой ненавидитъ. Напечатаніе этого письма, заключалъ авторъ вопросовъ, «будетъ для меня весьма лестнымъ знакомъ, что вы моимъ объясненіемъ довольны;» въ противномъ случаѣ онъ хотѣлъ «во всю жизнь за перо не приниматься.»

Это оправданіе не только было напечатано въ слѣдующей книжкѣ *Собесѣдника,* но помѣщено въ самомъ составѣ *Былей и Небылицъ* вмѣстѣ съ отпущеніемъ, въ которомъ объясненіе Фонъ-Визина названо «добровольною исповѣдью», а самъ онъ «кающимся»; но тутъ же очень тонко прибавлено: «въ семъ случаѣ разрѣшеніе зависитъ не отъ кого иного, какъ отъ многоголовой публики; мое же дѣло тутъ постороннее».

Когда началось изданіе *Собесѣдника,* Екатерина II уже серіозно заботилась о будущемъ воспитаніи своихъ малолѣтнихъ внуковъ, изъ которыхъ старшему шелъ тогда только 6-й годъ, а второму 5-й. Уже тогда она задумывала издать для нихъ маленькую педагогическую библіотеку изъ своихъ собственныхъ трудовъ, и съ этою цѣлію въ предыдущіе два года были напечатаны ею: азбука съ первоначальными нравственными правилами и двѣ нравоучительныя сказки о царевичахъ *Хлорѣ* и *Февеѣ.* Для той же Александро-Константиновской библіотеки, какъ она сама называла этотъ родъ изданій, Государыня трудилась и надъ составленіемъ русской исторіи для первоначальнаго чтенія. Обнародованіе этой исторіи въ журналѣ показалось ей лучшимъ средствомъ для распространенія этого труда въ публикѣ, и уже съ первой книжки въ *Собесѣдникѣ* стали постоянно появляться *Записки касательно россійской исторіи.* Онѣ составляли каждый разъ самый объемистый вкладъ, обыкновенно отъ 50-и до 100 и однажды даже болѣе 200 страницъ, такъ что вмѣстѣ съ *Былями и Небылицами* заняли наибольшую часть журнала. Разборъ и оцѣнка этого труда не входитъ въ планъ настоящей статьи; довольно замѣтить, что онъ проникнутъ патріотическою мыслью противопоставить безпристрастные разсказы о прошломъ Россіи тѣмъ вымысламъ и клеветамъ, которыя распространяли о ней иностранные писатели.

Обращеніе княгини Дашковой къ читателямъ съ просьбою присылать въ журналъ свои замѣчанія на помѣщаемыя въ немъ статьи не осталось

безъ дѣйствія. Уже во 2-й книжкѣ выступилъ подъ именемъ *Любослова* неизвѣстный критикъ, который съ важностью заявилъ, что не находитъ въ слогѣ издателей того богатства языка, той красоты и силы, которыя «внушаются правилами россійскаго краснорѣчія»; отмѣтивъ нѣкоторыя неудачныя на его взглядъ выраженія, онъ предложилъ свои поправки. Между прочимъ онъ затронулъ двумя мелочными замѣтками и *Записки касательно россійской исторіи*. Издатели, учтиво поблагодаривъ критика, признали однакожъ его обвиненія придирчивыми и сдѣлали оговорку, явно относившуюся къ трудамъ Императрицы: «однако, было замѣчено, одинъ изъ издателей нижайше проситъ, чтобъ ему дозволено было и не всегда исправныя свои сочиненія въ *Собесѣдникъ* помѣщать, думая что честныя правила, здравый разсудокъ и пріятная шутка предпочтительны педантству». Почти всѣ задѣтые Любословомъ авторы — Капнистъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, княгиня Дашкова — возражали ему; за Императрицу вступилась редакція. На строгаго критика стали сыпаться нападки и выражалось желаніе увидѣть никому неизвѣстныя собственныя его сочиненія. На этотъ вызовъ онъ отвѣчалъ въ VII книжкѣ *Собесѣдника* статьею: *Начертаніе о россійскихъ сочиненіяхъ и россійскомъ языкѣ*. Хотя вообще эта статья написана была въ патріотическомъ духѣ и излагала тѣ же мысли, которыя руководили издателями, но наставительный тонъ и тяжелый, запутанный слогъ автора, съ длинными періодами, мудреными выраженіями и натянутыми метафорами, послужили новымъ поводомъ къ насмѣшкамъ. Многіе сотрудники журнала, не исключая самой Императрицы, стали въ своихъ статьяхъ иронически повторять нѣкоторыя выраженія Любослова, вырванныя изъ его *Начертанія*, какъ напр. «эпоха нынѣшняго времени, лучи мысленнаго свѣта, общее средоточіе, преломленіе въ умахъ Россіянъ» и т. п.

Были въ *Собесѣдникѣ* и другія пререканія между редакціей и сторонними критиками, но эти полемическія стычки служили только къ оживленію журнала; гораздо важнѣе для него были послѣдствія маленькаго неудовольствія, которое произошло въ средѣ самой редакціи по поводу одной статьи, помѣщенной въ этомъ изданіи. Дѣло началось тѣмъ, что Императрица, находя неудобнымъ высказывать отъ своего лица нѣкоторыя шутки, задумала прикрыться именемъ того изъ своихъ приближенныхъ, который считался мастеромъ шутки, т. е. своимъ оберъ-шталмейстеромъ, Л. А. Нарышкинымъ. Въ VII ч. *Собесѣдника* онъ явился, подъ псевдонимомъ *каноника*, съ отвѣтомъ на письмо, гдѣ были расхвалены *Были и Небылицы*, и уже колко задѣлъ автора этого письма, княгиню Дашкову. Между тѣмъ у нихъ уже были давніе счеты, такъ какъ Нарышкинъ явно издѣвался надъ смѣшными сторонами, которыя находилъ въ ученой княгинѣ. Когда въ октябрѣ 1783

года учреждена была, подъ ея предсѣдательствомъ, Россійская академія и Дашкова произнесла тамъ свою вступительную рѣчь, то Парышкинъ, поддѣлываясь подъ ея голосъ и пріемы, представилъ въ присутствіи Императрицы пародію этой рѣчи. Дашкова, узнавъ о томъ, не могла скрыть своей досады. Но этого было мало: первыя засѣданія основанной около этого времени Россійской академіи, гдѣ разсуждалось о будущемъ словарѣ, послужили пищей для новыхъ насмѣшекъ, и въ подражаніе имъ было придумано въ ближайшемъ кругу Императрицы *общество незнающихъ*, состоявшее изъ двухъ палатъ: съ чутьемъ и безъ чутья, и въ *Собесѣдникѣ*, опять за подписью каноника, напечатана статья: *Общества незнающихъ ежедневная записка* (такъ назывались въ то время протоколы). Самое названіе вымышленнаго общества показываетъ, что главное участіе въ этой шуткѣ принадлежало Государынѣ: она давно любила посмѣиваться надъ людьми, которымъ стыдно признаться, что они чего-нибудь не знаютъ. Сохранившаяся часть чернового подлинника этого сочиненія писана рукой Екатерины, — изъ чего всего вѣрнѣе можно заключить, кто его авторъ.

Въ этомъ пасквилѣ разсказывается содержаніе засѣданій, въ которыхъ дѣлаются самыя пустыя предложенія, теряется время въ нелѣпыхъ разсужденіяхъ или молчаніи, а рѣшенія по большей части заключаются въ одномъ словечкѣ: *мимо*. Палатѣ безъ чутья предоставлено дѣлать предложенія, а палата съ чутьемъ должна рѣшать ихъ. Безъ всякаго толку члены переводятся изъ одной палаты въ другую. Постановляются правила пріема сочиненій и избранія членовъ, при чемъ, какъ необходимое условіе, требуется въ членѣ веселость права и постановляется отнюдь не принимать того, кто не умѣетъ выговорить слова *не знаю*, и еще болѣе — знающихъ все и обо всемъ вдоль и поперекъ, безъ умолку разсуждающихъ, «равномѣрно тѣхъ, кои ближнему своему не даютъ выговорить ни слова.» Между тѣмъ единодушно приняты сочиненія извѣстнаго каноника, которыя какъ сущій кладъ хранятся въ архивѣ общества. Наконецъ и тутъ не забытъ Любословъ, выраженія котораго осмѣиваются на нѣсколькихъ страницахъ. Впрочемъ вотъ собственный отзывъ Екатерины объ этой сатирической статьѣ, который еще болѣе утверждаетъ насъ въ мысли, что авторъ ея — сама Императрица: «Pour vous égayer, пишетъ она Гримму, je voudrais vous envoyer quelques traductions des plaisanteries du journal salmigondis: entre autres, il y a là «une société des ignorants» partagée en deux chambres: la première avec *odorat* ou *tact*, car le mot russe est *tchoutio*, qui veut dire l'odorat des chiens de chasse; on pourrait dire *à bon nez;* la seconde chambre, sans odorat. Ces deux chambres traitent de tout à tort et à travers; la seconde juge d'après le bon sens, et l'autre lui fournit les matières; il y a à tout cela un

sérieux, une authenticité qui fait crêver de rire le lecteur, et il y a des traits qui resteront proverbes [1])».

Княгиня поддалась мистификаціи, и при первомъ случаѣ прочла мнимому автору, т. е. Нарышкину, строгое наставленіе не пускаться въ литературу безъ надлежащихъ къ тому качествъ. Произошла размолвка, въ которой сама Императрица не могла остаться безучастною: она потребовала обратно рукопись продолженія *Былей и Небылицъ*, которая была уже доставлена ею въ редакцію для напечатанія. Къ объясненію неудовольствія Императрицы присоединяется еще извѣстіе Державина, будто все, присылаемое ею, княгиня Дашкова, желая показать свой разумъ, критиковала, переправляла и даже шутила на счетъ сочинительницы не только въ присутствіи многихъ своихъ, но и иностранцевъ. Не ручаясь за достовѣрность этого не совсѣмъ вѣроятнаго извѣстія, мы имѣемъ однакожъ несомнѣнныя доказательства тому, что Государыня дѣйствительно взяла обратно послѣдніе листы *Былей и Небылицъ*, бывшіе уже у Дашковой, но еще не напечатанные. Это доказательство заключается въ подлинной перепискѣ между Екатериною II и издательницею *Собесѣдника*. Не смотря на просьбы послѣдней, которая вызывалась печатать и продолженіе протоколовъ каноника, Императрица не измѣнила своего рѣшенія, хотя и очень хорошо понимала, что прекращеніе *Былей и Небылицъ* нанесетъ чувствительный ударъ журналу Дашковой. Это видно изъ любопытныхъ отзывовъ ея о *Собесѣдникѣ* въ письмахъ къ Гримму. Кромѣ мѣста уже выше приведеннаго, мы находимъ, спустя нѣсколько недѣль (въ п. 27 сент.) слѣдующія строки: «Je trouve que vous faites un admirable emploi des remarques et NB. du journal des salmigondis de Pétersbourg; comme vous ririez si vous lisiez quantité de galimatias de ce journal, mais il ne sera plus si bon, parce que les bouffons du journal se sont brouillés avec les éditeurs; mais ceux-ci ne peuvent qu'y perdre; cela faisait la félicité de la ville et de la cour.»[2])

Впрочемъ возможно, что происшедшій разладъ былъ для Императрицы только однимъ изъ поводовъ для прекращенія *Былей и Небылицъ*, такъ какъ

---

1) «Чтобы позабавить васъ, мнѣ бы хотѣлось послать вамъ въ переводѣ нѣкоторыя шутки этого пестраго журнала: между прочимъ тамъ является общество незнающихъ раздѣленное на двѣ палаты; одна съ чутьемъ (такъ называется обоняніе охотничьихъ собакъ), другая — безъ чутья. Эти двѣ палаты судятъ обо всемъ вкривь и вкось; вторая рѣшаетъ по здравому смыслу дѣла, которыя первая ей представляетъ; все это ведется такъ серіозно и офиціально, что читатель помираетъ со смѣху, и тутъ есть выраженія, которыя останутся поговорками».

2) «Я нахожу, что вы прекрасно пользуетесь примѣчаніями и NB петербургскаго ералашнаго журнала; какъ бы вы хохотали за чтеніемъ разныхъ въ немъ пустяковъ, но теперь онъ ужъ не будетъ такъ хорошъ, потому что шутники этого журнала разссорились съ издателями; но послѣдніе останутся въ проигрышѣ: имъ не могли нахвалиться и городъ и дворъ».

она уже гораздо ранѣе того, въ послѣднихъ *напечатанныхъ* главахъ ихъ выражала намѣреніе не продолжать этого сочиненія, подъ предлогомъ, что дѣдушка уѣхалъ въ деревню, другъ ИИИ отправился въ полкъ, другъ ААА усланъ за масонскими дѣлами въ Швецію, да и самъ пишущій думаетъ уѣхать изъ Петербурга, гдѣ жить слишкомъ дорого. Кажется, на рѣшеніе Государыни прекратить *Были и Небылицы* имѣли вліяніе разные доходившіе до нея толки объ этомъ сочиненіи. Это можно заключить изъ послѣднихъ, сохранившихся въ рукописи листовъ его, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ или говорящимъ лицомъ является *портной*, которому авторъ передаетъ *Были и Небылицы* въ счетъ долга. Портной, занятый своимъ дѣломъ, поручаетъ письменную работу дьячку, который *пишетъ изъ книгъ* и считаетъ законнымъ только то, что находитъ въ книгахъ. Портной, напротивъ, прислушиваясь къ сужденіямъ своей жены, требуетъ чтобы дьячокъ писалъ просто, для всѣхъ понятно, такъ, какъ всѣ говорятъ. Совершенно ясно, что Екатерина полемизируетъ тутъ противъ тѣхъ, которые находили содержаніе и языкъ *Былей и Небылицъ* слишкомъ низкими, и особенно противъ Любослова: его, повидимому, и разумѣетъ она подъ именемъ дьячка, намекая на разныя его требованія и выписывая цѣлыя фразы изъ его «Начертанія».

Тутъ же высказалась Императрица и о своихъ *Запискахъ по русской исторіи*, что онѣ, хотя также написаны книжнымъ повидимому языкомъ, но «вразумительно, простымъ складомъ, безъ украшенія.» Вообще она очень высоко цѣнила это сочиненіе, что́ между прочимъ видно изъ ея писемъ къ Гримму. Такъ, напечатавъ первыя главы этого труда въ *Собесѣдникѣ*, она ему писала (16 авг.): «J'y ai fait fourrer aussi la première époque de l'histoire de Russie, et on en est assez content: NB. ceci se dit par modestie, car le succès paraît être complet».[1]) Въ другой разъ (20-го сент.) она писала къ тому же лицу: «Cette histoire s'imprime dans un journal russe qui n'est pas de paille et qui sort tous les mois; tant de règnes par mois, cela la met dans les mains de tout le monde, et je ne puis nier qu'elle n'ait du succès; elle passe pour la plus supportable jusqu'ici, et on y trouve un zèle inculqué pour la patrie, qui chauffe le sentiment».[2])

Не смотря однакожъ на этотъ отзывъ, Екатерина II очень хорошо понимала, что не *Запискамъ*, а *Былямъ и Небылицамъ Собесѣдникъ* преимуще-

---

1) «Я также дала тиснуть тамъ первую эпоху русской исторіи, и ею не недовольны: NB. это говорится изъ скромности, потому что успѣхъ, кажется, полный.»

2) «Эта исторія печатается въ русскомъ журналѣ, который постоитъ за себя и выходитъ каждый мѣсяцъ: давая столько-то княженій помѣсячно, она всѣмъ доступна, и я не могу не сознаваться въ ея успѣхѣ; ее считаютъ самою сносною изъ всѣхъ до сихъ поръ изданныхъ, и находятъ, что она проникнута любовью къ отечеству, которая согрѣваетъ душу».

ственно обязанъ былъ своимъ успѣхомъ. Содержа большею частью выписки изъ лѣтописей, *Записки*, по своей серіозности и сухости, не могли привлекать читателей, и потому хотя Государыня, не вполнѣ разорвавъ съ редакціей *Собесѣдника*, продолжала помѣщать въ немъ свои историческія *записки*, это не могло спасти его отъ постепеннаго паденія. Въ ноябрской книжкѣ 1783 г. въ послѣдній разъ явились *Были и Небылицы*. Послѣ того журналъ могъ кое-какъ продержаться только полгода; съ іюня 1784 г. онъ пересталъ выходить регулярно. Въ этомъ самомъ мѣсяцѣ послѣдовала кончина Ланского, повергшая Екатерину въ глубокую печаль, и продолжительный перерывъ въ изданіи *Собесѣдника* могъ быть въ нѣкоторой зависимости отъ этого событія. Княгиня Дашкова конечно ждала продолженія *Записокъ по русской исторіи*, но не дождалась ихъ, и наконецъ, не прежде сентября 1784 г., выпустила въ свѣтъ послѣднюю, XVI-ую книжку *Собесѣдника* съ неконченной статьею Козодавлева о причинахъ возвышенія и упадка этого журнала: здѣсь объяснены только причины его возвышенія; *Собесѣдникъ* умеръ, не успѣвъ-даже досказать своей автобіографіи.

Сотрудничество Екатерины II въ этомъ журналѣ составляетъ важную главу въ исторіи умственной дѣятельности Императрицы; оно бросаетъ яркій свѣтъ на ея отношенія къ приближеннымъ, на ея понятія объ общественной жизни, о литературѣ и языкѣ. Въ смыслѣ выраженія ея взглядовъ особенно замѣчательно *завѣщаніе*, которымъ оканчиваются въ *Собесѣдникѣ Были и Небылицы*. Это какъ бы *литературная исповѣдь* царственной Писательницы, и мы не можемъ лучше заключить настоящей монографіи, какъ выписавъ, съ небольшими сокращеніями, этотъ характеристическій документъ, въ которомъ она излагаетъ свои мысли о томъ, какъ надобно писать. Итакъ вотъ это *Завѣщаніе*:

«Собственное мое имѣніе *Были и Небылицы* отдаю я (такому-то) съ тѣмъ, что ему самому, или кому онъ отдастъ, повѣритъ, продастъ или заложитъ, для продолженія оныхъ, не писать шероховато, либо съ трудомъ, будто подымая тягости на блокѣ.

Краткія и ясныя израженія предпочитать длиннымъ и кругловатымъ.

Кто писать будетъ, тому думать по-русски.

Иностранныя слова замѣнять русскими, а изъ иностранныхъ языковъ не занимать словъ, ибо нашъ языкъ и безъ того довольно богатъ.

Краснорѣчія не употреблять нигдѣ, развѣ само собою на концѣ пера явится.

Слова класть ясныя и, буде можно, самотеки.

Скуки не вплетать нигдѣ, наипаче же умничаньемъ безвременнымъ.

Веселое всего лучше; улыбательное же предпочесть плачевнымъ дѣйствіямъ.

За смѣхомъ, за умомъ, за прикрасами не гоняться.

Ходулей не употреблять, гдѣ ноги могутъ служить, т. е. надутыхъ и высокопарныхъ словъ не употреблять, гдѣ пристойнѣе, пригожѣе, пріятнѣе и звучнѣе обыкновенныя будутъ.

Гдѣ индѣ коснется до нравоученій, тутъ оныя смѣшивать наипаче съ пріятными оборотами, кои бы отвращали скуку.

Глубокомысліе окутать ясностію, а полномысліе легкостію слога, дабы всѣмъ сноснымъ учиниться.

На всякія мысли смотрѣть не съ одного конца, но съ разныхъ сторонъ, дабы избирать удобно было видъ тотъ, который разсудку пріятнѣе представится.

Желается, чтобъ сочинитель скрылъ свое бытіе и вездѣ бы было его сочиненіе, а его самого не видно было, и нигдѣ не чувствовалось, что онъ тутъ дѣйствуетъ; и для того совѣтуется ему говорить такъ, чтобъ не онъ говорилъ, а безъ того умъ его или глупость равно не способны будутъ читателямъ.

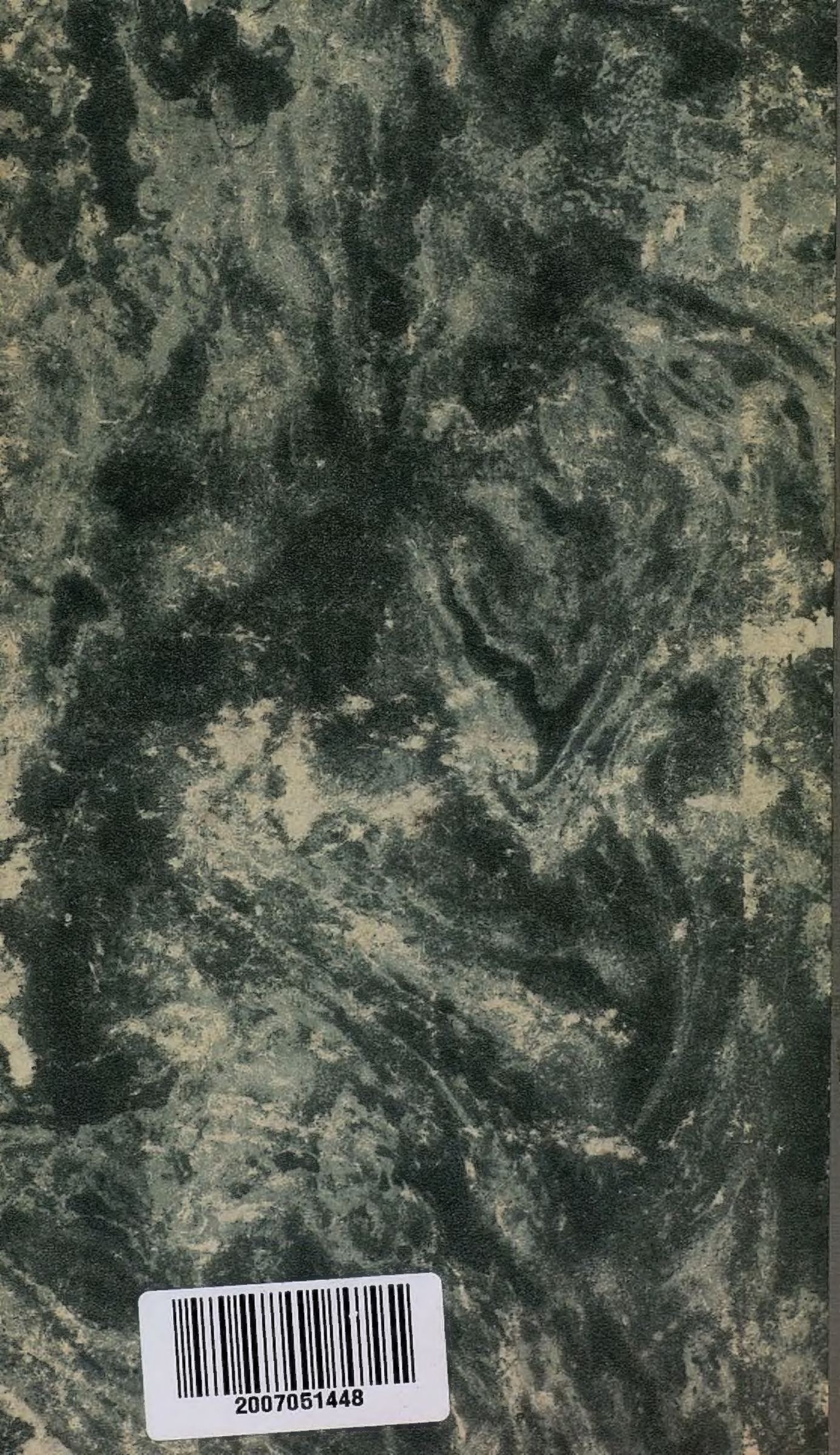
Сіе пишу въ совершенной памяти и въ полномъ здравіи.»

Такъ смотрѣла геніальная женщина на обращеніе съ языкомъ и на качества хорошаго изложенія почти за десять лѣтъ до появленія Карамзина, и по нѣкоторымъ вопросамъ заранѣе рѣшала споръ между имъ и Шишковымъ.

Я. Гротъ.

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Секретарь Общества А. А. Половцовъ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.



2007051448